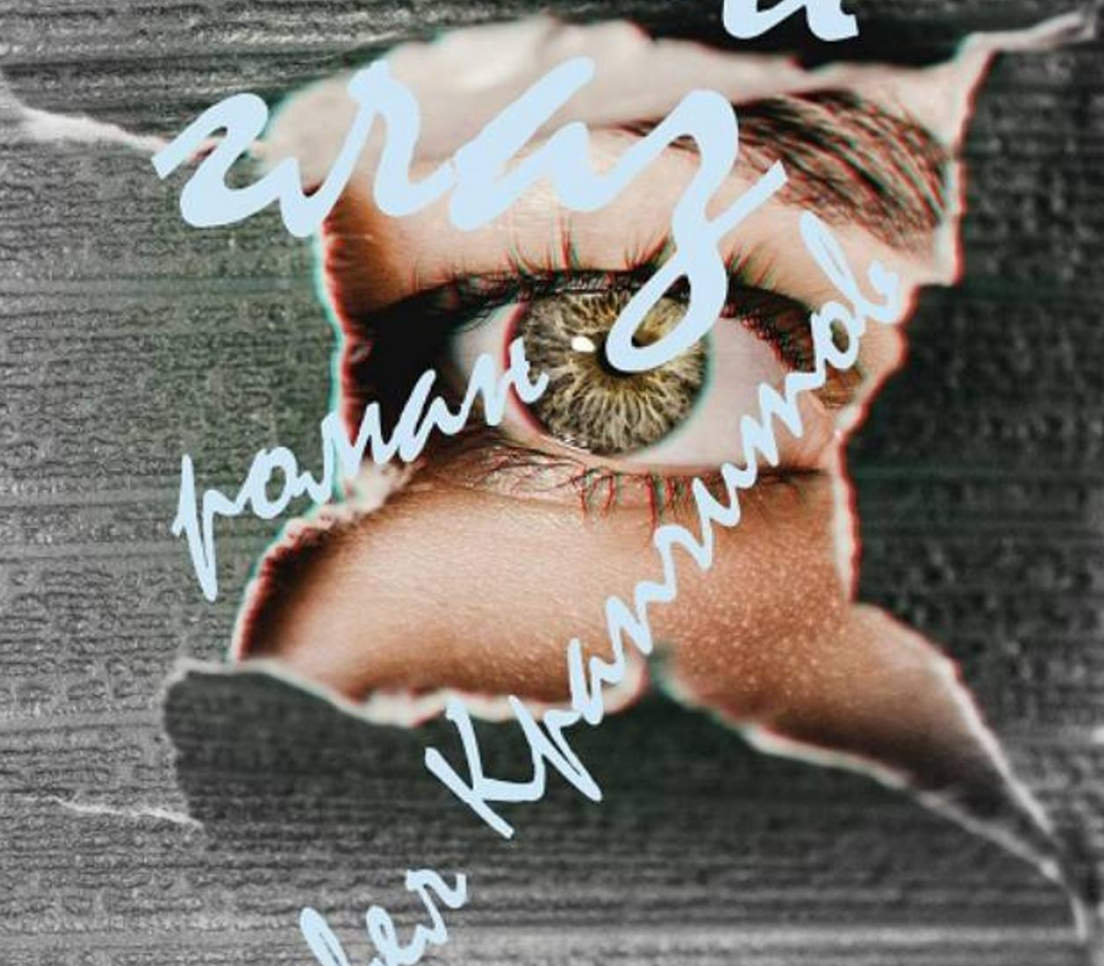

Тренни

арти

роман

Далеко Кхунумале

Павел Крапчи́тов

Третий глаз

«Автор»

2026

Крапчитов П. А.

Третий глаз / П. А. Крапчитов — «Автор», 2026

«Третий глаз» — городское фэнтези о том, как случайный долг превращается в охоту за истиной, а запретная магия меняет саму суть человека. Алех Дорвар — исключённый из магической Академии картёжник, скрывающий своё аристократическое происхождение. Он зарабатывает на жизнь тем, что находит пропавшие кошельки и оживляет завядшие цветы. Его дар — слабая магия и необъяснимая удача в поисках — кажется ему никчёмным. Но когда крупный купец предлагает две тысячи су за поиски пропавшей дочери, Алех ввязывается в расследование, которое приведёт его в мир мёртвых девушек с ткацкой мануфактуры, в храм с развратным священником и в лабораторию безумного мага. Последний уверен, что очищает мир от скверны, ставя опыты над живыми людьми. А Алех оказывается следующим «объектом». Чтобы выжить, ему придётся сразиться с магом и принять тёмный дар, доставшийся ценой чужой жизни. И тогда он поймёт: третий глаз открывается тогда, когда закрыты первые два.***Есть нескольких сцен насилия, поэтому 18+

© Крапчитов П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пленница	5
Глава 2. Тени прошлого	11
Глава 3. Зелёный рынок	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Павел Крапчитов

Третий глаз

Глава 1. Пленница

На металлическом столе не бывает случайных людей.

Девушка лежала на металлическом столе. В одежде. Даже шнуровка на ботинках с высоким голенищем осталась нетронутой, а концы шнурков были по-прежнему аккуратно завязаны на бантик.

«Всё ещё впереди», — подумал стоящий перед ней мужчина.

Руки, ноги, голова пленницы были плотно прикованы к столу кожаными ремнями, полностью обездвигивая тело. Полоса кожаных оков, проходившая по лбу девушки, придавала ей какой-то особенный вид.

«Как у селянок», — подумал мужчина.

Те женщины-крестьянки, которых довелось видеть ему, повязывали во время работы лоб какой-нибудь тесёмкой. То ли для того, чтобы волосы не попадали на глаза, то ли для того, чтобы служить преградой для капель пота.

В глазах лежащей на столе девушки полыхал страх.

«Это хорошо», — подумал мужчина и закрыл глаза.

Так легче было настроиться на внутреннее магическое зрение. И сразу со стороны подопытной к нему понеслись разнообразные картинки девичьей жизни: её мечты, надежды, переживания... Страх, который испытывала их владелица, делал эти образы чёткими и почти осязаемыми.

«Не то, не то», — отмахнулся мужчина, и картинки исчезли.

Перед его внутренним взором осталось только пульсирующее в такт сердцу сознание пленницы. Мутное, как запотевшее во время дождя окно.

«Это мы поправим», — подумал мужчина.

Он был опытным магом, но не только. Так получилось, что он научился видеть внутреннюю сущность человека: его мысли, страхи, желания. Утерянная способность древних и вдобавок оказавшаяся под запретом из-за глупых опасений Духовных наставников. Они, видите ли, посчитали, что маги-менталисты могли предвидеть.

«Это неправильно! — посчитали Духовники. — Это привнесёт в мир хаос, нарушит заведённый порядок».

«Хитрецы, — подумал маг. — Вы просто не хотели, чтобы кто-то увидел ваши настоящие мысли».

Но запретный плод — сладок. Десятки магов по всему королевству Леонардинов пытались развить в себе ментальные способности. Их наказывали, лишали званий, отправляли на общественные работы, но то тут, то там уличали какого-нибудь бедолагу в противоправном стремлении проникнуть в мысли других.

Дальше — больше. Кто-то пустил слух, что азартные игры могут развить способности менталиста. Среди магов, особенно студентов магической Академии, началось повальное увлечение игрой в карты. Если раньше игра, привезённая торговцами Южных морей, была просто развлечением, то теперь она приобрела некое сакральное значение. В карты уже не играли, а священнодействовали. Таких магов, всё ещё стоящий с закрытыми глазами перед распростёртой на столе девушкой, больше всего ненавидел.

«Ради чего? — в который раз спросил он себя. — Чтобы просто залезть в чужую голову? Это же... как подсматривать в замочную скважину... Ненавижу!»

В руках мага появился маленький блестящий медицинский нож. Глаза девушки, которые и без того были широко раскрыты, стали ещё больше. Но мага по-прежнему занимало лишь мутное девичье сознание. Усилившийся страх слегка смахнул с него пелену. Стали заметны две области: большая светлая и маленькая тёмная.

«Ну да, — усмехнулся маг. — Не успела ещё нагрешить».

Края областей были всё ещё размыты. Тогда мужчина положил на стол нож и закатал рукав своей левой руки. По внешней стороне предплечья проходила ровная, местами кровоточащая рана. Маг снова взял нож и резко провёл лезвием по руке, сдирая корочку незажившей раны. В голове полыхнуло болью, на пол потекла кровь, но зато его сознание обострилось, и картинка в голове стала чётче.

Теперь он хорошо видел границы светлой и тёмной областей. Извилистые, словно русло реки, видимое с высоты птичьего полёта, границы делили внутреннюю сущность девушки на хорошее и плохое, доброе и порочное.

«Ни одной ровной линии, — с досадой подумал маг. — Как же это будет трудно остановить!»

Остановить надо было тёмное, не дать ему разрастаться. Заковать зло, которое увеличивается в каждом человеке с годами, в надёжные границы. Ведь зло не приходит со стороны. Оно прорастает из самого человека. Поставь на пути тьмы непреодолимую преграду, и мир вокруг изменится. Исчезнут обман, убийства, прочие преступления.

«И всё благодаря мне, — улыбнулся маг. — И к моему памятнику каждый день люди будут приносить свежие цветы».

— Ингибус кратос порфириус, — громким голосом заговорил он, сознание девушки вздрогнуло, а из её рта вырвался крик.

«Да, да, дорогуша, — подумал маг. — Без боли не бывает движения вперёд. Я воздвигну стену вокруг темноты в твоей душе, и ты станешь лучше».

— Ингибус кратос порфириус омниус, — неслись слова из некогда обрётённой магом книги. — Омниус види вогус...

Прошёл час. Маг устало опустился на стул, стоящий у одной из стен комнаты, где происходил эксперимент. Девушка на столе лежала без чувств.

«Завтра очнётся, — подумал маг. — А я сделал всё, что мог».

Прошлый раз воздвигнутая им ментальная стена на границе с тёмным продержалась три дня.

«На день больше, — подсчитал маг. — То ли моя сила растёт, то ли сущность девушки старается».

Но достигнутый успех омрачало одно обстоятельство. После каждого такого эксперимента, когда ментальная стена исчезала, тёмная область немного, но увеличивалась. Почему? Этот вопрос иногда возникал в голове у мага, но быстро исчезал. Какая разница?! Ещё немного, и он научится устанавливать преграду между светлым и тёмным, которую тьме не перешагнуть. И тогда зло будет побеждено.

Экспериментатор встал со стула, поднялся по винтовой лестнице, посмотрел сверху вниз на лежащую на столе девушку, под которой образовалось мокрое пятно. Мужчина скривился и покинул лабораторию.

За дверью в лабораторию оказался кабинет. Настоящий кабинет учёного-мага. Большой стол под зелёным сукном, тяжёлые кожаные кресла и полки с книгами вдоль стен. Под одну из таких полок была замаскирована дверь в подвал, в лабораторию. На одной из стен, где имелось свободное место от книг, в рамочке за стеклом висела грамота: «Магу-доценту Виго Терасусу в знак подтверждения звания „Магистр“».

В щели не до конца задёрнутых штор пробивались утренние лучи.

«Через пару часов начнутся занятия в Академии, — подумал хозяин кабинета. — Надо быть бодрым и свежим».

Он взял со стола колокольчик и позвонил.

— Доброе утро, господин магистр, — в кабинет зашёл пожилой, очень худой слуга с корявым шрамом на лбу.

— Сделай напиток и принеси в столовую.

— Хорошо, господин магистр.

— Приберись там, — маг чуть повёл головой в сторону замаскированной двери в лабораторию. — И... объект мне ещё будет нужен, понял?

— Да, господин, — улыбнулся человек со шрамом, но в его глазах было сожаление.

Когда слуга ушёл, Терасус ключом открыл ящик стола и достал книгу. Вернее, часть книги. Её корешок был разорван сверху вниз, словно кто-то взял книгу за переплётные крышки и рванул в разные стороны. Магу за столом досталась часть книги с лицевой обложкой.

«Менталист ист вист, — прочёл надпись на обложке Терасус. — Когда-то всё с этого и началось».

Затем маг пробежался глазами по тексту на последней странице половинки книги, поморщился, когда прочёл оборванное на середине предложение, и убрал книгу обратно в стол.

«Ладно, — сказал он сам себе. — На сегодня хватит. Займусь другими делами».

Терасус поднялся из-за стола и отправился в столовую. Пара поворотов, коридор — и он оказался в другой комнате, только вот мысли в голове остались прежними.

В студенческие годы у Виго Терасуса был приятель Рэй Нирольф. Вместе учились в магической Академии, вместе ухаживали за двумя девицами-однокашницами.

— Пусть сами выберут, — предложил как-то Рэй, имея в виду их подружек, Агнес и Виолу. — А то ещё поспоримся. Ладно?

— Ладно, — согласился Виго.

Соревноваться с жизнерадостным, всегда готовым сказать какую-нибудь шутку приятелем ему было явно не под силу. Поэтому предложение выглядело по-настоящему товарищеским. Только... только смущало, что и Агнес, и Виола при встречах широко улыбались Рэю, а в сторону Виго смотрели редко.

— Ты бы лучше про учёбу больше думал, — сказал Терасус, чтобы хоть в чём-то упрекнуть приятеля.

Учёба — не девушки. В ней Рэй сильно проигрывал своему товарищу. Но на слова Виго его однокашник только усмехнулся.

— Есть дела поважней, — с серьёзным видом сказал он. — Пошли, покажу.

Тогда они пришли в дом Рэя.

«Живут же люди!» — подумал Терасус, заходя в дом к другу. Двухэтажное здание, снаружи выглядевшее небольшим, содержало в себе массу комнат. Лестницы в этом доме казались широченными, а окна — громадными.

«Не чета моей каморке», — подумал Виго.

Он снимал тогда небольшую мансарду на краю города. В ней хватало места лишь для кровати и стола со стулом. Выпрямиться в полный рост он мог только в центре комнаты.

Комната, в которую привёл его приятель, выглядела как кабинет какого-то учёного.

— Отца? — спросил Терасус, окидывая комнату взглядом.

Рэй кивнул.

— Прими мои соболезнования, — сказал стандартную фразу Виго.

— А, ладно, — ответил приятель, а потом неожиданно обнял Терасуса. — Спасибо.

Потом Рэй подошёл к книжным полкам и достал одну из стоящих на них книг.

— Вот, смотри. Разбирал книги и нашёл.

«Менталист ист вист», — прочёл Терасус, и его колени слегка задрожали.

— Это то, о чём я думаю? — спросил он.

Книгу следовало безотлагательно сдать Страже. В противном случае им обоим грозила опасность. Любое упоминание о менталистах, а тем более изучение книг об этой магии, было в королевстве под запретом.

— Это наш шанс, — сказал Рэй. — Здесь всё о том, как стать менталистом.

Он явно не собирался расставаться с этой книгой.

Овладеть ментальными способностями мечтали многие студенты. Чтение чужих мыслей, предвидение событий — всё это сулило большие возможности. Например, можно было бы понять, что на уме у Агнес и Виолы. А ещё — подзаработать на скачках. Быть менталистом означало власть и деньги. Много денег.

«Если, конечно, правильно этим распорядиться», — сказал про себя Терасус.

— Можно? — он потянулся к книге.

В руках книга весила неожиданно много.

«Свинцовые чернила», — догадался Виго.

Чтение книг, написанных свинцовыми чернилами, могло привести к болезни и даже смерти. Это была одна из преград на пути того, кто решит прочесть такую книгу. Простолюдину или любому другому человеку, не обладающему магией самолечения, чтение подобных книг сулило скорую смерть.

Терасус открыл книгу. Буквы в ней были знакомыми, но складывались они в совершенно непонятные слова.

«Шифр», — разочарованно подумал он и посмотрел на товарища. Тот словно прочёл его мысли.

— Ерунда, — к Рэю снова вернулась его жизнерадостность. — Перевод названия мы уже знаем. Менталист — это сила.

— Откуда?

— Отец как-то сказал, — нахмурился Рэй, но тут же снова заулыбался. Как видно, долго печалиться он просто не мог. — С остальным разберёмся. Я уверен.

Так началось их изучение книги. Первый год ушёл на расшифровку текста. Разбирали слова и предложения, не вдумываясь в их смысл. Только когда последнее слово было переведено, они решились взяться за изучение содержания книги всерьёз.

Работа над книгой странным образом повлияла на друзей. Терасус, поскольку много времени уходило на расшифровку, стал хуже учиться в Академии. С Рэем произошло обратное. Занятия с книгой, как видно, что-то повернули в его голове, и он стал относиться к учёбе с большим рвением.

Прежними остались только их отношения с Агнес и Виолой, которые никак не могли определиться с выбором.

В день, когда они закончили расшифровку, Рэю пришла в голову странная мысль.

— Надо проветрить книгу, — сказал он.

— Что? — не понял Терасус.

— Надо показать ей Лалару, — ответил его приятель.

Река Лалару делила Гит-Орон, столицу королевства Леонардинов, на две части. На одном из её берегов, высоком и скалистом, стоял королевский замок. Люди любили пройтись по противоположному берегу реки и полюбоваться этим красивейшим строением. Но при чём здесь книга? Терасус так и спросил.

— Представь себе, сколько лет она жила взаперти, — беззаботно ответил Рэй. — Она заслужила немного свежего воздуха.

— А если нас поймают? — спросил Терасус.

— Не поймают, — рассмеялся Рэй.

Так они оказались на берегу Лалару. Солнце склонялось к горизонту, что делало картину перед ними ещё восхитительней. Даже у Терасуса мысли о том, что их могут схватить с запрещённой книгой, отошли на задний план.

Но, как видно, не только он расчувствовался в этот момент.

— Ты знаешь, — заговорил Рэй. — Я хочу повиниться перед тобой. Я тебя обманул.

— В чём? — у Терасуса похолодело на душе. Он подумал, что его друг больше не подпустит его к книге. Использовал, чтобы получить помощь в переводе, а теперь оттолкнёт от себя.

— Я про выбор, — сказал Рэй. — Про Агнес и Виолу.

— Ты... ты выбрал?

Неожиданный ответ товарища почему-то не принёс Терасусу облегчения.

«Дело не в книге, не в книге, — заметались мысли в его голове. — Но это хуже...»

Рэй обманул его с подружками, а значит, может обмануть и в другом.

— И кого ты выбрал? — спросил Терасус.

— Никого, — ответил его приятель. — Я не стал выбирать. Знаешь... так получилось... в общем, вчера мы провели ночь вместе... втроём...

И вот тут обида полыхнула внутри Терасуса.

Каждому студенту Академии полагалось носить кинжал справа на поясе. Слишком короткий, чтобы сойти за шпагу арха, но зато явное отличие от простолюдина.

Терасус выхватил кинжал и вонзил его в грудь Рэя. Тот, как видно, не ожидал такой реакции друга и не успел скастовать щит. Хлынула кровь, а Терасус снова поднял кинжал. Рэй бросился бежать, а все свои магические силы направил на то, чтобы остановить кровь.

Он бежал куда глаза глядят, не разбирая дороги. Книгу Рэй прижимал к груди, словно именно она должна была остановить льющуюся из груди кровь. И он, конечно же, не мог заметить, что буквы в книге, напивавшись кровью, принимали совершенно другие очертания. Наконец силы оставили молодого человека, колени подогнулись. Чтобы не рухнуть прямо посреди грязной улочки, он из последних сил дополз до стены какого-то дома и прислонился к ней спиной.

— Отдай, — перед ним стоял Терасус.

Он протягивал руку к книге, которую его, теперь уже бывший, друг всё ещё прижимал к груди.

«Как глупо!» — подумал Рэй.

На то, чтобы произнести что-то вслух, у него уже не было сил. Их остатки он произвольно направил на то, чтобы ещё сильнее прижать книгу к груди.

— Отдай, — пальцы Терасуса схватили книгу и потащили к себе.

— Нет, — прохрипел Рэй и закрыл глаза.

Вторя его словам, затрещала книга. Старые нитки её корешка порвались, и в руках бывшего друзей осталось по половинке книги.

— Что здесь происходит? — послышался незнакомый голос, а потом звук удаляющихся шагов. Терасус бежал.

— Я — арх Дорвар, — над Рэем склонился какой-то молодой человек. — Что с вами случилось?

— Менталист, — еле слышно прошептал раненый, половинка книги выпала из его рук, и он умер.

«Как глупо», — Терасус, сам того не зная, повторил про себя одну из последних фраз умирающего приятеля.

Он уже заканчивал завтрак, приготовленный слугой, и в который раз удивлялся своей прошлой горячности. Сейчас бы он так не поступил. Да и ради чего? Встретил он как-то раз эту

Агнес. Обыкновенная толстая матрона. И Терасус, и Агнес прошли мимо друг друга, притворившись, что не знакомы. Виола вообще сгинула где-то в провинции, выйдя замуж за какого-то мелкого арха. А в результате у него имелось только начало книги и необходимость двигаться вперёд методом проб и ошибок.

«Это всё тёмная область», — подвёл итог Терасус.

Если бы не она, Рэй бы так с ним не поступил, а он сам не набросился бы на друга с кинжалом.

Маг вытер губы салфеткой и поднялся из-за стола.

— Вызвать извозчика, господин магистр? — спросил слуга.

— Нет, — ответил Терасус.

До Академии, где он преподавал, было рукой подать.

«Утро отличное. Пройдусь пешком», — решил он.

Глава 2. Тени прошлого

То, что нас связывало, однажды разорвёт нас.

Первый магистр, Марий Орехатус, он же ректор магической Академии, задумчиво сидел за своим рабочим столом и рассматривал накопившиеся за его отсутствие бумаги.

«Что это такое?! — про себя возмутился он. — Неужели мне всё это придётся разбирать самому».

Вид заваленного бумагами стола изрядно испортил ректору настроение. С этим надо было что-то делать.

Взгляд упал на колокольчик, почти невидимый из-за бумаг. Ректор дотянулся до него и позвонил. Тратить накопленный эфир на ментальный вызов секретарши он не хотел.

— Вызывали, господин ректор?

Вошедшая в кабинет секретарша Леру была хороша. Высокая, стройная, светловолосая, словно эльфийка. Её немаленькая грудь всегда приковывала внимание мужчин. Посмотрел на эту часть тела вошедшей и магистр, из-за чего его настроение ещё больше испортилось. Неужели и он, как все?!

— Леру! — воскликнул он. — Что за кипа документов на моём столе?!

— По вашему приказу, господин ректор.

— Что?!

— Перед поездкой вы приказали все документы, подписанные Вторым магистром в ваше отсутствие, складывать вам на стол.

— И что?! Он столько всего подписал?!

— Да, — Леру пожал плечами, отчего её грудь слегка колыхнулась, чем вновь привлекла внимание ректора.

— Я понял, — сказал хозяин кабинета и стал разбирать документы. — Свободна.

Поездка, из которой он только что вернулся, оказалась удачной. Ректор Академии был в составе посольства, отправленного в Эльфийский лес для обсуждения и, возможно, подписания мирного договора с эльфами. Сама война де-факто закончилась ещё год назад. Ни одна из сторон не добилась победы, хотя и громогласно объявила о ней. Официально считалось, что эльфы собирались напасть на королевство, а король Леонардин Седьмой нанёс упреждающий удар. Неофициально — один из эльфийских принцев был замечен в спальне королевы. Эльф ускользнул. За ним бросились вдогонку. Произошла какая-то стычка между свитой принца и погоней. А потом всё так быстро закрутилось, что никто даже не успел моргнуть, как обе стороны объявили друг другу войну.

«И в результате почти треть наших боевых магов погибла», — подытожил Первый магистр. Сколько погибло простых воинов, никого не волновало.

Сам он изначально был против военных действий. Эльфийский лес занимал большие пространства, которые тянулись от пограничной реки Неру до самых Диких гор. Но победа над эльфами ничего не давала королевству. Ну, вышли бы к Диким горам? Что дальше?

С точки зрения ректора, стоило бы взглянуть в другую сторону, где располагалось государство огнепоклонников. Их бородатые купцы сейчас занимали чуть ли не треть всех лавок в городах королевства. И неудивительно: огнепоклонники были отменными ремесленниками, а ещё их корабли ходили к далёким берегам по волнам Южного моря и привозили диковинные товары: специи, шкуры, драгоценные камни, перья невиданных птиц.

«А ещё много того, что они никому не показывают», — подумал про себя ректор.

Он был уверен, что в землях за Южным морем нашлось бы много полезного для магов королевства. Вот к примеру, эльфы не маги, но используют манну, что дают их деревья, для создания артефактов. Почти в каждом зажиточном доме королевства Леонардинов есть какая-

нибудь бытовая штучка эльфийского происхождения. Да, конечно, поделки эльфов отбирают часть дохода у магов, но зато сами маги получают чудесные эльфийские накопители эфирной энергии. Держишь такой артефакт при себе и всегда уверен, что силы тебя не оставят в трудную минуту.

Ректор машинально погладил золотой медальон, который висел у него на груди. Если бы на него сейчас совершил нападение десяток наёмных убийц, то он выплеснул бы на них волну холода, превратив нападавших в глыбы льда. На это пришлось бы потратить все свои силы и остаться беззащитным перед возможным новым нападением. Но... но у него есть медальон, который он сжал бы в ладони, и его силы тотчас бы восстановились.

«Только ради этого стоило бы примириться с эльфами», — сказал про себя ректор.

Но мир, наконец, восстановлен, и артефакты с запасом эфирной энергии скоро начнут появляться у всех магов королевства.

В столицу их посольство вернулось вместе с посланниками эльфов. Среди них был принц, сын верховного жреца Эльфийского леса. Предполагалось, что он обручится с одной из дочерей короля Леонардина Седьмого. А через год, если не произойдёт ничего неожиданного, будет их свадьба, которая закрепит мир между королевством Леонардинов и Эльфийским лесом.

Успех миссии, в котором имелаась и его заслуга, должен был настроить ректора на позитивный лад. Но, как всегда, мешали мелочи.

«А Второй магистр — это мелочи? — спросил он себя. — Пока это мелочи, но потом глядишь...»

Ректор задумался.

Его заместитель не был умным человеком, оттого, наверное, так открыто пользовался любой возможностью показать, что может легко заменить Первого магистра на посту ректора Академии.

Вот и сейчас, за время его отсутствия, этот выскочка умудрился подписать кучу документов. Большинство из них — мало значимые хозяйственные бумаги, но... Первый магистр представил, как его конкурент гордо выводил своё имя под документами, где должна была быть его подпись.

«Неумеха», — подумал про себя ректор.

Сам он никогда не брался за ручку. Просматривал документ, а потом моргал глазами, что означало «хорошо». Или пожимал плечами, что читалось как «ну, ладно, так и быть». Или даже поджимал губы — «первый и последний раз». Магический эфир точно распознавал намерения Первого магистра, и в нужном месте документа появлялась его подпись.

Но хозяйственные документы были давно отодвинуты в сторону. Сейчас перед ректором лежал приказ об отчислении студента второго курса. Причина — дисциплинарное нарушение. Степень нарушения — высокая. Суть нарушения — неоднократная игра в карты. Успеваемость — средняя. Магические способности — ниже среднего. Имя студента — арх Александр Дорвар. Заключение — отчислить с выплатой остатка взноса за обучение.

— Хм, — вслух произнёс ректор.

Он сделал несколько круговых движений пальцем в воздухе. В этот раз он не стал пользоваться колокольчиком.

В комнату вошла Леру.

— Где у нас Брухо?

— Ведёт занятия у третьего курса, — не задумываясь, ответила секретарша.

— Как освободится, — сказал ректор. — Пусть сразу же подойдёт ко мне.

С этим отчислением стоило разобраться прямо сейчас. Он понимал, что текущие дела уже скоро накроют его с головой, и завтра он может просто не вспомнить про этот случай. А в нём было ещё что-то, что ректор пока не мог понять.

Дело в том, что он знал в своё время некоего арха Дорвара. Тогда Первый магистр был ещё простым преподавателем в Академии, а этот Дорвар — студентом. Обычным студентом со средними способностями, но его отличала рассудительность и основательность. Так, например, все заклятия он делал почти в два раза медленнее, чем остальные.

— Почему отстаёшь? — как-то спросил его будущий ректор. — Плохо запоминается последовательность витков?

— Нет, — простодушно ответил студент. — Просто я каждый раз делаю проверку.

«Проверку, значит?» — подумал про себя тогда магистр.

И вот такой рассудительный арх посылает в Академию своего сына со слабыми магическими способностями. А годовой взнос за обучение, наверное, равняется доходу его баронства за год. Ну, или половине дохода, если дела идут очень успешно. Но это всё равно много, а цель не понятна. Хорошего мага из сына не получится. Было бы правильнее отправить его в военное училище. И дешевле, и толку больше.

«Что-то у тебя было на уме, — подумал ректор. — Придёт Брухо, поручу ему разобраться. Пусть у него голова болит».

Брухо, помощник ректора, не был архом, а потому не любил покидать территорию магической Академии. Здесь располагались учебные корпуса, здания с квартирами преподавателей, кампусы студентов, огромный стадион и не менее огромные подземные помещения, где находились лаборатории и учебные полигоны. А ещё имелись столовая для всех, рестораны и два кафе для тех, кто хотел поесть чего-то особенного, бытовой комбинат с баней и прачечной и множество других мелких построек хозяйственного назначения.

Территория Академии была отделена от внешнего мира высокой кованой оградой. Но железо являлось лишь одной из преград. Магические заклятия надёжно перекрывали вход любому, кто осмелился бы коснуться завитков, украшающих ограду. А ещё у каждого, кто имел право находиться в Академии, на одежде имелась небольшая нашивка: орёл, держащий в руках книгу. Нашивка светилась магическим огнём. Чем он ярче, тем выше положение его владельца в Академии. Чужак, который бы сумел преодолеть ограду и её магические заклятия, тут же бы выдал себя. Без эмблемы и её свечения он был бы словно белая ворона в стае своих чёрных подруг.

Всё это делало Академию если не отдельным государством, то отдельным миром со своими жителями, привычками и обычаями. И этот мир давно стал родным домом для Брухо. В этом «доме» он был уважаемым жителем. Мантия преподавателя и знак помощника ректора позволяли ему ходить по «землям» Академии с поднятой головой, а встречные старались уступить ему дорогу.

За пределами Академии мантию приходилось снимать, и он становился простолюдином. Маг — простолюдин. Просто невозможное сочетание! Современная наука считала, что только тот, в ком течёт хотя бы капля крови арха, может видеть эфир и управлять им.

Его шеф, ректор Академии, считал, что какая-то из прабабок Брухо согрешила с архом. Так в кровь простолюдина попали способности мага. На словах помощник ректора соглашался со своим начальником, но в глубине души считал по-другому. Он называл себя уникалом, само существование которого разрушало устои науки. Он простолюдин и в то же время маг восьмого из двенадцати уровней. Он один такой. Другого нет. И, как знать, что из этого может получиться в будущем.

Но каждому встречному за пределами Академии о своей исключительности не расскажешь. Нет у тебя на поясе острой и длинной шпаги — значит, ты никто, а вернее, как все. И тут вступали в силу другие правила: насколько богато одет, следует ли за тобой слуга или охранник, знают ли тебя в том районе, где ты шествуешь, и многое другое.

Поэтому, выйдя за пределы Академии по поручению ректора, Брухо нарядился архом. В его гардеробе было несколько подходящих нарядов, так как ему часто приходилось выполнять самые разные поручения начальника. А ещё на его боку висела шпага, которой он и пользоваться-то не умел. Зачем ему, магу восьмого уровня, который может испепелить противника магическим заклятием, учиться махать этой железкой? Совершенно нерациональная трата сил и времени!

Помощник ректора видел себя исключительно учёным-магом. Он не замечал того, что давно заметил за ним ректор Академии: способности к перевоплощению и изобретательность. Каждое исполненное поручение начальника за пределами Академии поднимало способности Брухо ещё на ступеньку вверх. Отнести письмо королевскому вельможе. И не простым путём, когда это письмо дойдёт до адресата только через несколько дней, а быстрым. Чтобы послание оказалось в руках вельможи сегодня же. Как это сделать? Думай, Брухо, думай. Найти в многочисленных лавках нужный эльфийский артефакт. А если его там и нет вовсе? Как это сделать? Думай, Брухо, думай.

И наконец, как отправить в мир иной совершенно незнакомого для Брухо, но хорошо известного для его шефа человека. Отправить так, чтобы подозрение пало на кого угодно, но только не на ректора Академии. Но как это сделать? Думай, Брухо, думай!

И помощник ректора думал и придумывал. И каждый раз успешно. Только для этого требовалось время.

Вот и сейчас он целую неделю следил за объектом. Под конец этого срока Брухо знал, что представляет из себя этот юнец, и как лучше всего выполнить поручение начальника. Помощник ректора возвращался в Академию уставшим, но довольным. Завтра он выполнит поручение своего шефа, а потом снова вернётся к работе преподавателя. К чтению лекций, ведению семинаров, к тихим читальным залам библиотек, к жёлтым страницам старинных фолиантов. К тому, что он больше всего любил.

Мама гладила Алеха по голове. Ему было приятно. Этот сон часто снился Алеху. Только во сне он никак не мог разглядеть лицо мамы. Он силился открыть глаза, чтобы лучше взглянуть в её черты, но ничего не получалось. Его тело спало, глаза отказывались подчиняться и оставались закрытыми. Пальцы мамы продолжали расчёсывать его волосы, отчего приятная истома растекалась по всему телу Алеха. Она проводила пальцем по бровям и задерживалась на маленькой родинке между ними.

— Зоран смеётся надо мной, — жаловался маленький Алех. Во сне с мамой он всегда почему-то был маленьким. — Говорит, что это уродство.

— Не слушай его, — успокаивала его мама. — Это знак богов. Третий глаз.

Но Алех не верил и плакал, а мама его успокаивала.

— Не плачь, сынок, не плачь.

А ещё она почему-то трясла его за плечо.

— Алех, Алех.

Он открыл глаза и очень удивился, что у мамы было лицо Софи. Прошло несколько мгновений прежде, чем он наконец проснулся.

Оказалось, что за плечо его трясла не мама, которой он никогда не знал, а Софи, приятная тридцатилетняя женщина, у которой он уже почти год снимал комнату. Впрочем, их связывали не только деловые отношения.

— Просыпайся, — говорила она. — Уже почти десять часов.

«Ну и что?» — подумал Алех.

Он играл в карты в конторе Порториуса почти до четырёх утра. Заснул в пять.

«От пяти до десяти — не так уж и много времени, — проворчал про себя Алех. — Опять, наверное, тюльпаны».

— Алех, если ты не поможешь, — сказала Софи. — Будет беда.

У неё было несчастное, но такое милое личико. Сон уже забылся, и молодому человеку хотелось уже не материнской нежности. Он осторожно прижал свои ладони к щекам Софи и поцеловал в губки.

— Тюльпаны? — спросил он.

— Угу, — кивнула Софи.

От умершего несколько лет назад мужа ей достался цветочный бизнес. Несколько торговых точек в южной части столицы, оптовый склад и оранжерея. С торговыми делами молодая женщина вполне справлялась, но иногда её подводили поставщики.

— Поставщики?

— Угу, — снова кивнула Софи. — Большая партия тюльпанов. По дороге что-то случилось. Они немного завяли. Совсем немного, но такие уже не продашь. Выручай, Алех.

— Цветы на складе?

— Угу, — подтвердила Софи.

Это было важно. Склад на улице героев Цурыманя располагался достаточно далеко от магической Академии. Скорее всего, её улавливатели не заметят слабого возмущения эфира.

— Едем, — скомандовал Алех.

Впрочем, команда относилась в первую очередь к нему самому. Софи была одета. У дверей дома, скорее всего, уже ждал экипаж, а вот Алех всё ещё пребывал в одной ночной рубашке.

По дороге они молчали. Возница хоть и был постоянным работником Софи, но чужие уши есть чужие уши. Пусть остаётся в неведении, какую работу Алех выполнял для его работодателя.

Склад представлял собой большой ангар из тонкого бруса. Один из череды складов, тянувшихся вдоль улицы неизвестных молодому человеку героев. Помещение слева принадлежало купцу, торгующему писчими принадлежностями. Справа ангар пустовал, но раньше в нём хранились какие-то скобяные изделия.

Он и Софи зашли внутрь цветочного ангара. Хозяйка включила свет. Алех поёжился: внутри было холодно. На полках длинных и высоких стеллажей лежали уже распакованные тюльпаны. Крупные, разной расцветки, но кончики их лепестков уже немного сморщились, а кое-где и засохли.

— Отключи артефакты, — сказал Алех.

Не нужно было, чтобы эльфийская магия, на которой работали артефакты, охлаждающие воздух в ангаре и дающие свет, конфликтовала с той магией, которую он собирался пробудить.

— Все? — уточнила Софи.

— Все.

Свет погас. Алех с хозяйкой остались одни в тёмном, но всё ещё прохладном помещении.

Молодой человек сосредоточился, увидел эфир и потянулся к нему. Это было незаконно. У него не имелось соответствующего диплома, он не состоял в гильдии практикующих магов. На это у него не было денег, да и сил магических тоже. Возможно, деньги мог бы дать отец. Возможно, благодаря учёбе в Академии его способности развились бы во что-то большее. Но получилось так, как получилось. С отцом разругался, из Академии отчислили.

Эфир Алех чувствовал плохо, но достаточно, чтобы сплести заклятие «Время вспять». Когда он первый раз помогал Софи в подобной ситуации, ему пришлось основательно напрячь память, вспоминая лекции в Академии. Но тогда перед ним был лишь горшочек с фиалками, а теперь — целый ангар, полный вязанок цветов.

«Отдача, конечно, будет посильней», — подумал недоучившийся маг.

«Ладно, — тут же успокоил он себя. — Отлежусь сутки, пропущу игру у По. Ничего страшного в этом не будет».

Порториус, или просто По, как называли его за глаза, был крупным торговцем зерном. Его контора располагалась почти в центре Зелёного рынка. Днём здесь толкались приказчики, подписывались документы, строчил телеграф. Ругались, спорили — в общем, торговали. А после одиннадцати вечера сюда подтягивались совсем другие люди. Несколько столов сдвигали, накрывали зелёным сукном, зажигались магические лампы, задёргивались тяжёлые шторы, и зерновая контора безо всякой магии изменяла свою сущность. Теперь здесь было царство других страстей, тех, что вызвала карточная игра.

Порториус заранее готовил новые, не распакованные колоды карт, которые менялись каждую игру, а ещё он давал в долг проигравшим, которые не могли самостоятельно расплатиться. С тех же, кто выиграл, он брал три десятых от их выигрыша. Одна часть уходила ему, а две десятых — Ночной страже. Это уменьшало выигрыш, но зато не находилось желающих поболтать про то, что происходило в конторе по ночам. За игру в карты в королевстве сурово наказывали.

Алех запустил заклятие и почти ощутил, как стали меняться цветы. Видеть этого в темноте он не мог, только чувствовать. Это была радость и нарастающая усталость одновременно. Энергия эфира проходила через него и окутывала лежащие на стеллажах цветы. И всё ради того, чтобы купивший тюльпаны мог день-два порадоваться их свежести.

А ещё молодой человек ощутил, что сегодня отдохнуть от игры у него не получится, что обязательно надо будет пойти к Порториусу. Откуда это чувство, он не знал. То ли пресловутый третий глаз, про который говорила мама во сне, то ли у него всё-таки были какие-то скрытые способности.

Алеху хотелось быть не просто слабым магом, а кем-то особенным. Обладать тем, чего нет ни у кого. Потому он и ходил почти каждую ночь к По, чтобы проверить свою способность предвидения. Когда он выигрывал, то радовался не только полученным за игру деньгам. Выигрыш подтверждал особость молодого человека. Проигрыш же вгонял несостоявшегося мага в уныние. Раз проиграл — значит, никакой исключительности в нём нет. Но Алеху везло. Он чаще выигрывал, чем проигрывал. А потому настроение у него было, как правило, весёлое, а торговцы и прочие завсегдатаи Зелёного рынка считали его жизнерадостным человеком.

Под влиянием таких мыслей Алех непроизвольно потрогал родинку на переносице, а потом почувствовал, что «Время вспять» выполнило свою работу.

— Можно включать артефакты, — сказал он.

Ангар осветился, и они увидели, что волшебство свершилось. На полках лежали, казалось, только что срезанные тюльпаны. Крохотные капли конденсата покрывали лепестки, ещё больше создавая впечатление свежести.

Алех вытер вспотевший лоб. Его ноги слегка подрагивали.

— Отвезешь меня домой? — он обратился к Софи.

— Конечно, — ответила та.

Женщина обняла молодого человека за талию и повела к экипажу. Она была довольна. Товар удалось спасти. Но ещё больше её радовало, что Алех назвал её, не самую роскошную квартиру, своим домом.

«Как хорошо, чтобы это так стало на самом деле!» — подумала Софи.

Глава 3. Зелёный рынок

Здесь теряют кошельки, находят любовь и не замечают пропавших девушек.

Долго отдыхать у Алеха не получилось. Солнце поднялось уже высоко и всюду светило в мансардное окно комнаты, которую он снимал у Софи. А значит, с каждым шагом этого светила по небосводу он упускал свой заработок.

А ещё сегодня он встречался с Зораном, старшим братом. Так было у них заведено: раз в неделю они обедали в небольшом кафе рядом с рынком. Алех, конечно, предпочёл бы рыночную таверну. Там и привычней, и дешевле. Но Зор не мог позволить себе появляться в сомнительных заведениях. Так он сказал брату, когда тот в самый первый раз заикнулся о таверне. Зор служил в Департаменте внешних сношений королевства. Послы, делегации, престиж государства — всё это не позволяло его брату опуститься до принятия пищи в «дрянной забегаловке».

«Ничего и не дрянной, — думал Алех. — Цены невысокие, пища простая, но качественная. Чисто, разносчицы улыбаются, а что чавкают и рыгают вокруг, так это потому что люди простые».

Если Зор стыдился таверны, то Алех чувствовал неловкость в кафе. И всё из-за своего наряда. Штаны из грубой ткани и сапоги — ещё ничего. Их посетители кафе видеть не могли. А вот серая рубаша и кожаный жилет, что хорошо смотрелись на рынке, совсем не подходили даже для этой кафешки. Брат же всегда был одет в сюртук, никаких сапог — лакированные туфли, брюки на штрипке. Всё тоже серого цвета, только серый серому рознь. У Алеха его серую рубашу просто не смогли как следует отбелить. Серый цвет в наряде Зора объяснялся тем, что был пошит из материала, сотканного из шерсти северных овец. Серость рубахи Алеха была словно мутное пятно. Серость одежды Зорана искрой бросалась в глаза. В кафе, сидя за одним столом, они смотрелись словно господин и его слуга, которого зачем-то притащили в приличное заведение.

«Ладно, — всегда говорил себе Алех перед встречей с братом. — Это очередное маленькое испытание. Я его пройду и стану сильнее».

И тут же добавлял, вздохнув:

«Эх, где бы взять такую линейку, которая позволила бы измерить, насколько я становлюсь сильнее после каждой такой встречи».

А испытаний за его неполные девятнадцать лет выпало достаточно. Разрушенная любовь к Тессе, одной из служанок отца, ссора с самим отцом, отчисление из Академии возглавляли список. Карточные проигрыши были где-то внизу, да и не считал Алех их за испытания. Его выручала арифметика, с помощью которой он подсчитал, что на каждые три небольших проигрыша приходился один выигрыш, который с лихвой покрывал предыдущие потери. Кроме того, благодаря тому, что он чаще проигрывал, никто не мог назвать его шулером. А о размерах его проигрышей и выигрышей, и о том, что в результате остаётся положительное сальдо, знал только он да Порториус, которому в конце игры полагались три десятины.

Алех отбросил посторонние мысли, натянул сапоги, подошёл к умывальнику, плеснул из кувшина воды на руки и освежил лицо. В маленьком зеркальце над умывальником можно было разглядеть только маленький кусочек лица. Сейчас он увидел только один голубой глаз. Алех качнул головой. Теперь на него смотрел второй глаз.

«Хватит на себя любоваться!» — усмехнулся он.

Молодой человек ещё плеснул воды на руку и расчесал мокрой пятерней светлые волосы.

«Вот тоже загадка, — пришла мысль. — Зоран — брюнет, а я — светлый, не пойми в кого».

После этого сбежал по крутой лестнице вниз, поздоровался со служанкой Софи и вышел на улицу. Обрато он рассчитывал вернуться к часам семи вечера, чтобы вздремнуть перед ночной игрой в карты.

Путь молодого человека лежал на Зелёный рынок. Именно так, с большой буквы, поскольку для города рынок был не менее значимым, чем королевский дворец. Дворец располагался на одном берегу Лалару, рынок — на другом, более пологом. Ту часть города, где располагался дворец, называли королевской. Другую часть, где располагался рынок, — зелёной, что для любого жителя столицы означало «народная». Более пологий берег реки делал зелёную, народную часть города удобнее для пристаней, которых имелось несколько, да и просто лодке к «зелёному» берегу было пристать легче, а груз выгрузить быстрее. Часть этого груза попадала на склады, что также располагались на берегу, а часть шла напрямиком на Зелёный рынок.

Сам рынок появился очень давно. Так давно, что Гит-Орон, возможно, ещё не являлся столицей королевства. Город рос, а рынок оставался всё таких же размеров. Он был огорожен невысокой стеной, которая точно показывала, что площадь рынка не менялась уже многие годы. Но словно под воздействием какой-то неизвестной магии рынок, не увеличиваясь в размерах, с каждым годом втягивал в себя всё большее количество и торговцев, и покупателей.

«Всё просто, — думал Алех, двигаясь к рынку. — Рынок — это озеро, в которое втекают сотни рек, а вытекает ещё больше ручейков».

Чем больше втекающие в рынок «реки» несут в себе товаров, тем больше это привлекает покупателей, и они словно ручейки уносят эти товары с собой. А рынок-озеро остаётся такого же, как и раньше, размера.

Впрочем, торговля начиналась далеко за пределами рынка. Мелкие торговцы пытались расположиться на тех улицах, что вели к рынку. Сядут на краю улицы, разложат на брусчатке свой нехитрый товар, рассчитывая, что люди, спешащие на рынок, им заинтересуются. Некоторых из таких торговцев Алех уже знал в лицо. Он улыбался и кивал им. Те тоже его узнавали, но поскольку молодой человек у них ничего не покупал, то только кивали в ответ — улыбки они берегли для настоящих покупателей.

Алех прошёл через открытые кованые ворота рынка, что тоже были местной достопримечательностью. Дело в том, что на троне королевства уже пару раз менялись династии, а на воротах красовался герб короля, чьи потомки не удержались на троне. Это лишний раз подчёркивало отличие этой части города от королевской. «Вы — такие, а мы — вот такие», — как бы говорил каждый житель на зелёной половине города.

За воротами рынка начинался особый мир. До ворот казалось, что люди ведут себя очень тихо, словно не обладают способностью говорить. После ворот они вдруг обретали эту способность. Говорили все и сразу. Расхваливали свой товар торговцы за прилавками, с ними спорили о цене покупатели. Предлагал выпить ключевой воды водонос. Велеречиво излагал своё требование денежной милости проповедник, обходивший ряды. Свистел вдогонку каким-то мальчишкам стражник. Ворковали голуби на крышах прилавков. Чирикали воробьи, собиравшие крошки на земле.

Молчали лишь мелкие ремесленники, что располагались вдоль стен рынка. Но зато говорили их инструменты. Говорил брусок точильщика, говорил резак стекольщика, говорил молоток сапожника, которым он прибивал отвалившийся каблук сапога сидящего рядом с ним зажиточного крестьянина.

Больше всего Алех любил наблюдать за стариком-ремесленником, что делал гребни. Он сидел на низкой скамеечке, а перед ним располагался деревянный чурачок. Ремесленник небольшой тяпкой, которой Алех смог разве что разворошить землю, тюкал по чурачку разругой и отсекал кусок дерева, в котором уже угадывалась форма будущего гребня. Как это

удавалось подслеповатому старику, молодой человек не понимал. Даже со своими слабыми магическими способностями он чувствовал, что магию старик не использовал. А тем временем ремесленник проходил напильником по заготовке гребня, потом маленькой ножовкой нарезал зубья, масляной тряпичкой натирал свою поделку, отчего линии дерева становились чёткими и яркими, и выкладывал готовый гребень на небольшое покрывало перед собой. Как-то Алех не удержался и купил такой гребень. Он до сих пор лежал на зеркальном столике у Софи. Правда, та чаще пользовалась костяным гребнем, привезённым из-за Южных морей.

— Эй, Алех!

Можно было не оборачиваться. Молодой человек узнал голос Бранко, торговца скобяными изделиями. Его тесть был кузнецом. Вот и приставил новоиспечённого зятя к торговле своими изделиями. Продукция кузнеца славилась качеством, поэтому торговля у Бранко процветала. Только не за тем, чтобы расхвалить свой товар, он окликнул Алеха.

По неизвестной для Алеха причине Бранко его невзлюбил. Может, потому что тот вольная птица, где хочет, там и летает, а Бранко вынужден день-деньской стоять за прилавком.

— Эй, Алех, опять будешь потерянные иголки искать? — с усмешкой крикнул Бранко. «Ничего нового придумать не можешь», — подумал Алех.

На прошлой неделе у портнихи потерялась игла. Её любимая.

— Возьми другую, — сказал ей тогда Алех.

— Нет, эта мне заказы приносит, — серьёзным голосом ответила портниха.

Её павильончик стоял у стены рынка. Шила девушка на улице, а в павильончике клиенты примеряли пошитую одежду. Но основной работой портнихи были надорванные рукава, оторвавшиеся пуговицы, разошедшиеся швы на одежде. На этом много не заработаешь. Потому портнихе требовалось, чтобы клиентов было много. Этому способствовала, как она считала, её любимая, но теперь потерявшаяся игла.

Тогда Алех поступил просто: провёл рукой по подолу портнихи, отчего та тут же покраснела. Но молодой человек добился своего. Руку что-то кольнуло, он присмотрелся и указал девушке на причину укола. Сам доставать иголку не стал. Не стоило снова вгонять портниху в краску.

Так нашлась заветная игла, которая каким-то образом затерялась в складках платья.

— Благодарю, — сказала девушка и тут же убежала.

Так тоже бывало. Работа выполнена, а в оплату молодой человек получал только слова благодарности.

— Ну так что, — не унимался Бранко. — Опять иголки искать будешь?

— Бранко, а к вам гости, что ли, приехали? — в ответ спросил его Алех.

— Какие гости? — удивился не ожидавший такого ответа торговец.

— Да проходил мимо вашего дома, — с невинным видом ответил Алех. — Там твоя Велеса с каким-то конником разговаривала.

Больше Бранко ничего спрашивать не стал и, оставив лавку на помощника, бросился к выходу с рынка.

Торговцы соседних лавок откровенно смеялись вслед убежавшему соседу. То, что сказанное Алехом было шуткой, понимали все, кроме ревнивого Бранко.

— О, Алех! — его снова окликнули. — Ты-то мне и нужен.

— И вам здравствовать, господин Савва, — сказал Алех.

Савва был владельцем парочки складов на пристани, а на рынке держал небольшую лавку, где у него имелись образцы товара. Короба с хмелем и солодом, горшки с ароматическими добавками, коричневым сахаром и много ещё чем, что требовалось для производства пива.

— Кошелёк потерял, — сказал Савва, когда они дошли до лавки торговца хмельным товаром.

— Может, своровали? — предположил Алех.

Савва недовольно зыркнул в сторону двух своих помощников, но те общались с покупателями и делали вид, что не замечают расстроенного хозяина.

— Когда обнаружили пропажу? — приступил к работе Алех.

Был бы он настоящим менталистом, покопался бы в мыслях Саввы, и всё стало бы ясно. Но менталистом Алех не был. Да и существовали ли они в их королевстве Леонардинов?

«Если нет гербовой, будем писать на обычной», — всегда говорил себе молодой человек, когда в голову лезли подобные мысли.

Так приговаривал Хо, его наставник по фехтованию, когда его ученик в очередной раз делал что-то неправильно. «Обычной бумагой» для Хо являлся сам Алех, которому никак не давалось искусство владения шпагой.

— Да вот тут и стоял, — развёл руками Савва, показывая на пространство, заставленное коробами с солодом.

— Что делали?

— Сделка у меня, — стал пояснять купец. — Ячменю хочу прикупить. Задаток принёс. Вот-вот Мералит подойдёт. Выручай, Алех.

— Как идёт ваша торговля? — спросил Алех.

В одной книжке из библиотеки отца он вычитал, что мозг человека помнит всё, только вот сам владелец мозга не всегда может воспользоваться этой памятью. Вот и мозг Саввы точно знал, где его кошелёк, только скрывал от своего хозяина. Надо было поговорить о чём-то другом. Вроде как и не нужен этот кошелёк. Мозг расслабится и проболтается. То есть мысли о пропаже сами придут в голову.

— Хорошо идёт, — проворчал Савва. — Любят люди пиво. Вот и покупают и солод, и хмель... а они у меня лучшие...

Торговец не заметил, как стал нахваливать свой товар.

— Здорово, Савва, — к лавке подошёл дородный мужчина.

— И тебе не хворать, Мералит, — ответил Савва и взглянул на Алеха. — Я... это...

Но молодой человек не стал отвлекаться на разговоры. Он зашёл за прилавок, подошёл к коробу с солодом, на краю которого сидел купец.

Алех слегка подтолкнул торговца в сторону. Тот нехотя отодвинулся. Короб был наполнен чуть растрескавшимся зерном. Это его изнутри взломали ростки, которые потом безжалостно высушили. Молодой человек разгрёб солод руками и тут же наткнулся на предмет, которого здесь не должно было быть.

— Пресветлые духи! — воскликнул Савва. — Это же мой кошелёк!

А у Алеха в голове появилась картинка. Купец сидит на краю короба, сует кошелёк в карман, да промахивается. Кошелёк падает в короб. Только вот кто-то его присыпал солодом. Молодой человек поймал на себе взгляд одного из помощников торговца. Тот сразу отвернулся, когда понял, что Алех заметил его интерес.

«Ясно, — подумал Алех. — Но пусть сами между собой разбираются».

Он со значением взглянул на Савву.

— Да, да, конечно, — тот правильно понял взгляд молодого человека.

Торговец покопался в кошеле и протянул Алеху мятую бумажку.

«Побольше, чем „благодарю“, — усмехнулся про себя тот. — Возможно, на обед в рыночной таверне хватит».

Но Алех всё равно заставил себя улыбнуться.

— Если что, обращайтесь, — сказал он купцу, но тот уже спорил о чём-то с Мералитом и только кивнул в ответ.

Больше Алеха никто не окликал и не звал поработать. Поэтому он решил навестить одного своего знакомого.

Посреди Зелёного рынка стояло здание: капитальное, с потолками больше трёх метров, толстыми стенами — не чета окружающим его лавочкам-временкам. Даже в самый солнечный день, которыми славилась столица королевства Леонардинов, внутри этого здания было прохладно. Со стороны казалось, что это некий храм неизвестной доселе религии, но в нём тоже располагались торговые ряды — мясные. Прилавки в здании были кирпичными, покрытыми сланцевой плиткой, на которой после вечерней мойки не задерживалась никакая грязь.

В отличие от других рядов, в мясных шума не было. Тихо спрашивали покупатели, тихо отвечали продавцы, словно боялись, что громкое слово вызовет эхо. У здания имелось два входа: с востока и запада. Чтобы зайти в здание, приходилось подниматься по ступенькам. Их было не меньше десятка. Из-за этого здание мясных рядов ещё больше напоминало сооружение какого-то культа.

Алех подошёл к восточному входу. Солнце уже давно начало своё движение по небосклону, и здесь, у восточного входа, было свежо, благодаря тени и прохладному воздуху из здания.

У входа на ступеньках сидел мужчина, одетый примерно так же, как и Алех, а рядом с ним на ступеньках лежала широкополая шляпа. В левом ухе у мужчины была серьга, а на щеке, с той же стороны, от рта к уху тянулся тонкий шрам.

— Привет, Радик, — сказал Алех и сел рядом с мужчиной на ступеньки.

— Привет, — откликнулся тот. — Как работа?

Алех молча показал мятую бумажку, полученную от Саввы.

— Отдать вашу часть?

— С милостыни не берём, — усмехнулся мужчина.

«Берёте, ещё как берёте», — подумал Алех. — «И с доходов торговцев, и с доходов проповедников, ходящих по рядам и клянчащих подачки, и даже, наверное, тот старик, что делает гребни, тоже отстёгивает вам десятую часть от своего заработка».

Радик был представителем Ночной стражи на Зелёном рынке. Если на рынке появлялся новый торговец, то ночной страж доходчиво ему объяснял, сколько и как он должен платить за право здесь торговать. Получалось, что торговцы платили дважды. Сначала они вносили плату в кассу королевской дирекции рынка, а потом получали инструкции от Радика. Сам ночной страж денег в руки не брал, но он точно знал, сколько торговцев было сегодня на рынке и сколько ему должен в конце дня передать ростовщик Иосиф, к которому все торговцы заходили якобы по каким-то другим делам.

Королевская дирекция рынка никак не вмешивалась в дела торгующих. Она даже располагалась за пределами рынка, как бы подчёркивая этим свою отстранённость от того, что происходило там. Ночная стража не имела никакой конторы, если таковой не считать ступеньки у восточного входа в мясные ряды, но она, в отличие от дирекции, считала себя частью рынка и не брезговала общением с торгующими на нём.

Например, если бы Савва не просто потерял свой кошелёк, а подозревал бы в краже своего помощника по солодовой лавке, то он пошёл бы не к Алеху, а к восточным ступенькам. Радик выслушал бы Савву, потом его помощника и принял бы решение. Поскольку в торговых делах часто возникали разные конфликты, а люди короля ими заниматься не хотели, то люди шли к представителю Ночной стражи. Кто-то же должен был выступить третьей стороной в их спорах. А потому та плата, которую Ночная стража взимала с торговцев, не казалась им ненужным бременем. Они воспринимали её как справедливую составляющую торгового процесса.

— Много работы? — спросил Алех ночного стража.

— Как обычно, — ответил тот.

Это был их стандартный разговор, но в основном они молчали. Радик выполнял свою работу. Алех ожидал возможных заказчиков.

С этим ночным стражем Алех сблизился благодаря случаю. Не всё, наверное, было ладно в рядах Ночной стражи. Может, кто-то хотел занять место Радика, может, имелись какие-то другие причины, но однажды, когда недоучившийся студент только начал подрабатывать на рынке, на Радика набросился человек с ножом. Алех застал концовку этого нападения. На земле у ступенек в луже крови лежал незнакомый мужчина, а по лицу и шее самого ночного стража текла кровь. Радик было дернулся в сторону Алеха, но тот показал свои пустые руки. Ночной страж остановился.

— Сядь, — сказал ему Алех.

Радик подчинился и опустился на ступеньки. Его лицо стремительно бледнело. Алех прижал руки к щеке и шее мужчины, закрыл глаза, зачерпнул силы из клубящегося вокруг эфира и начал шептать нужное заклятие.

Этому его обучил всё тот же Хо, наставник по фехтованию в родительском доме. Будучи простым солдатом и слабым магом, наставник знал лишь несколько простых магических конструкций, которые могли потребоваться на поле боя. Одно из них — «Нет течению». С помощью этого заклятия сильный маг мог бы остановить течение целой реки. Слабому магу под силу была только остановка кровотечения. Но солдату на поле боя больше и не надо. Это заклятие и сплёл Алех, выхватывая из эфира нужные силовые нити. Получилось удачно. Кровь остановилась.

Как только Алех закончил лечение, Радик потянул его за собой. Как видно, он почувствовал себя лучше и решил убраться с места убийства подальше. Они выбрались с рынка через небольшую калитку в рыночной стене, где их уже ждал извозчик. Так они добрались до окраины города. Там, в одном из домов, они отмылись от крови, а Алеху выдали рубашку взамен его испачканной в крови. Потом всё тот же извозчик отвёз молодого человека к дому Софи.

На прощание Радик сказал два слова:

— Благодарю. Забудь.

Так и получилось. Первое слово объясняло то, почему Алех всегда мог насладиться тенью на ступеньках восточного входа в мясные ряды, а второе навсегда исключило из общения между ним и ночным стражем упоминание того случая.

— Спорим, что это к тебе, — сказал Радик.

К ступенькам, раздвигая посетителей рынка, которых в это время всегда было много, торопился Порториус, торговец зерном, в конторе которого этой ночью собирался играть в карты Алех.

— Не буду, — ответил молодой человек.

Интуиция, а может быть, просто здравый смысл подсказывал ему, что вряд ли у По могли бы быть какие-то разговоры с представителем Ночной стражи. Мзду платят в другом месте, а больше и говорить не о чем. Так и оказалось.

— Алех, — сказал Порториус. — Можно с тобой поговорить?

— Конечно, — ответил молодой человек, поднимаясь со ступенек.

— Пока, — это он уже обратился к Радика.

— Заходи ещё, — откликнулся тот.

Они немного отошли от ступенек.

— Алех... — начал По и оглянулся на ночного стража, спокойно наблюдающего за ними. — Пойдём ко мне в контору... Нет, лучше давай к огнепоклонникам...

Торговцы-огнепоклонники, или просто южане, как чаще их называли, имели лавку на Зелёном рынке, где также, как у Саввы, торговца солодом, были выставлены образцы их товаров. А ещё рядом с лавкой они устроили для себя кафешку. Только она была особенной, на их южный манер. Там можно было выпить кипятку, в который предварительно бросали веточку какого-то растения. К этому обжигающему губы напитку предлагались сладости, которые тоже были необычными: не мягкими, тающими, как положено, на языке, а крепкими, как

камень. Надо было выпить не одну широкую чашку горячего напитка, чтобы этот сладковатый «камень» полностью растворился во рту. А ещё в этой кафешке не было столов и стульев. Приходилось с ногами забираться на низкий и широкий лежак, где сидеть, поджав ноги. Неудивительно, что это заведение пользовалось спросом только у самих огнепоклонников. Наверное, так всё и задумывалось. Только для своих.

Но Порториус не собирался пить кипяток и вкушать южных сладостей. Он просто присел на край лежака, что заменял огнепоклонникам и стол, и стулья. Алех поступил также.

— Ло пропала, моя дочь, — сразу без вступления выпалил торговец зерном, и у Алеха стало беспокойно на душе. Стало понятно, для чего вызвал его на беседу По. Также было совершенно ясно, что за это дело браться не стоит. Свои подработки на рынке исключённый из магической Академии студент не воспринимал всерьёз. Угадаю — хорошо, не угадаю — не страшно. Возможно, именно поэтому он не назначал за свои услуги никакой определённой платы. Сколько дадите, столько и хорошо будет. Ведь назначить заранее плату — значит, взять на себя ответственность. К этому Алех не был готов. Может быть, через год, через два... Не полагаться же на слова видения-матери во снах, что у него есть некий третий глаз.

Молчание молодого человека Порториус понял по-своему.

— Алех, — сказал он. — Я не поскуплюсь. Скажи свою цену.

— Дело не в этом... — начал молодой человек, а потом ему в голову пришла удачная мысль.

— Может, тебе лучше обратиться к Ночной страже? — сказал он.

Так действительно стоило поступить. Торговец зерном платил им деньги — это раз. У них, наверняка, везде есть свои глаза и уши — это два. Ночная стража не чуралась разбирать происшествия на рынке — это три. Просто, наверное, Порториус от волнения не подумал про такую отличную возможность.

— А если это они? — почти шёпотом проговорил торговец зерном и оглянулся в сторону мясных рядов, словно сидящий на ступеньках у их входа Радик мог слышать его слова.

И тут Алеха проняло окончательно. До этого момента просьба По представлялась какой-то ненастоящей. Казалось, что в любой момент этот торговец зерном и содержатель тайного казино махнёт рукой и скажет: «Ладно, забудь, ничего страшного».

— Ночная стража этим не занимается, — выговорил молодой человек.

— Ты точно это знаешь?

«Как это можно точно знать?» — подумал про себя Алех. Все его знакомства в Ночной страже ограничивались Радиком, из которого и двух слов не вытянуть, но вслух он сказал другое.

— Когда пропала Ло?

Это была его последняя попытка отказаться от предложения Порториуса и не испортить с ним отношения.

— Вчера вечером.

— Значит, скоро вернётся, — сказал Алех, сам не особо веря в свои слова. — Возможно, Ло уже ждёт тебя дома.

— Приказчики бы сообщили, — возразил Порториус.

От того воодушевления, с которым он начал разговор, не осталось и следа. Его широкие плечи опустились, сам он весь сгорбился, а глаза наполнились влагой.

— Алех, ты ведь можешь, — проговорил торговец зерном. — Ты же менталист.

— Да какой я... менталист! — перешёл на шёпот молодой человек и обернулся по сторонам. — Ты о чём говоришь?!

— Ну как же, на прошлой неделе ты договор у Занакиса нашёл. А ещё раньше ключ от сейфа у старика Бургаса...

— Ничего я не находил! — возразил Алех.

Только теперь он понял, что заигрался. Эти люди начали считать его тайным менталистом. А это верная дорога в тюрьму. Может быть, уже рядом крутится парочка соглядатаев Тайной службы и ждёт подходящего момента, чтобы его схватить.

— А лишь задаю вопросы людям, — Алех стал объяснять По, словно тот являлся тем самым соглядатаем Тайной службы и надо было срочно отвести от себя все эти неуместные подозрения. — Я задаю вопросы, они отвечают, я снова спрашиваю, снова получаю ответы, и так они сами вспоминают, где лежит то, что потеряли. А твоя дочь — не договор, не ключ, так ведь? Я просто не хочу тебя обманывать!

На Порториуса было больно смотреть. Алех понял, что только что отнял у него последнюю надежду.

— Сходи домой, — сказал он. — Твоя дочь, возможно, уже там.

Порториус посмотрел на молодого человека, молча кивнул и побрёл прочь.

На встречу с Зораном Алех опоздал. Ну, это по меркам брата. У того были часы-луковица на тонкой цепочке, которые он демонстративно достал и посмотрел время, когда его младший, непутевый брат появился на пороге кафе, где они обычно встречались.

Погода была хорошая, и Зоран сидел на открытой террасе. Алех заметил неодобрительный взгляд встречающего официанта. Но этот уровень игры «я и мой старший брат обедаем в кафе» он давно уже успешно прошёл, поэтому взгляд работника кафе его совершенно не задел.

— Привет, Зор, — сказал Алех, присаживаясь за столик, где расположился брат. — И не смотри на свои часы. Как только на Башне пробило пять, я сразу же отправился к тебе на встречу.

Башней в народе называли высокое строение культа Всех святых. Служители этого культа устроили в нём часы с боем. Каждый час окрестности оглашал гулкий звук часового колокола. Полдень — двенадцать ударов, час после полудня — один удар, два часа — два удара и так до самой полуночи, когда часы отбивали вновь двенадцать ударов и затихали до шести утра.

— С такой пунктуальностью ты бы не смог работать в нашем департаменте, — сказал Зоран.

— Я и не хочу, — с улыбкой ответил Алех.

Нотации брата его не задевали, а, наоборот, от них становилось как-то теплее. Он понимал, что Зор хотел, чтобы он стал лучше. Конечно, в голове у старшего брата имелся свой образец того, что такое «лучше». Этот образец совершенно не нравился Алеху, но он понимал, что брат искренне беспокоится за него. А вот всем остальным окружающим было наплевать. Ну, если не считать Софи. Но с ней всё было по-другому. Для неё Алех уже хороший. А брат хотел сделать его лучше.

— Эх, — вздохнул Зоран и кивнул в сторону меню. — Выбирай, что будешь есть. Голодный, наверное?

— Побольше и подешевле, — улыбнулся Алех.

В этой кафешке он обычно брал большую порцию жареной картошки и опять-таки жареную рыбу. Зоран был более щепетилен в выборе еды. В его заказе преобладали иностранные слова, которые Алех не понимал. Но на деле блюда оказывались обычными салатами и по-особенному приготовленным мясом.

— Как у тебя дела? — спросил брат, когда они сделали заказ и официант отошёл от столика. — Всё играешь в карты?

— Играю.

— Не надумал изменить свою жизнь? Не надоело наряжаться простолудином?

В карты играли вчетвером. Один из них был сыном заместителя главного интенданта королевской армии, второй — сыном министра королевского двора. Отец третьего был ничем

не примечательным архом, но провинившийся сынок вовремя смог его уведомить о происшествии, и тот, наверное, кого нужно подмазал. А потому наказали только Алеха.

В целом всё выглядело пристойно, не подкопаешься. Особо не злобствовали. Не обостряли отношения со студентами. Наказали только одного из четырёх — организатора. Именно в его комнате и проходила игра. То, что Алех проживал в комнате не один, а с Комелем, тем самым сыном, чей отец служил министром королевского двора, и которого тоже можно было бы назвать организатором запрещённой игры, скромно умалчивали.

Ко смотрел на то, как собирает вещи Алех. Ему было стыдно. Играли все, а наказали одного.

— Что будешь делать? — спросил он своего теперь уже, наверное, бывшего соседа по комнате.

— Для начала найду жильё.

— Не говори, что ты арх, — посоветовал приятелю Ко.

Его отец стал потомственным архом незадолго до появления сына на свет. Впрочем, кто кому обязан званием арха, можно было бы поспорить. Отец Ко, энергичный молодой человек из богатой купеческой семьи, как раз перед появлением сына встречался с дочерью одного из аристократов. И довстречался... Чтобы скрыть позор девушки, будущего отца Ко быстро произвели в архи. Уже в этом звании он женился на будущей маме Ко. Возможно, ввиду вышеуказанных обстоятельств к званию арха в семье Комеля относились без особого пиетета.

— Скажешь, что ты арх, — продолжил давать советы Ко. — С тебя возьмут повышенную плату.

— Так и поступлю, — ответил ему Алех.

После разрыва с отцом мысль о том, что надо экономить деньги, была ему близка.

Свои поиски жилья исключённый из Академии студент начал с левого, или рыночного, как часто его называли, берега столицы. Искать жильё на правом берегу, там, где располагался дворец короля, не было никакой возможности. Цены здесь кусались.

В откровенно бедняцкие районы Алех не пошёл. Возможно, там и нашлось бы недорогое жильё, но жить чужаку там было небезопасно. А потому он отправился в южную часть города, которую облюбовали торговцы. Выбрал одну из наиболее оживлённых улиц. Склады, торговые лавки, невысокие здания, снова склады... Алех шёл и смотрел по сторонам.

«Если что-то понравится, то начну прицениваться», — решил он.

Но так ничего и не приглянулось. В результате молодой человек почти вышел из торговых районов и оказался на небольшой площади. Снова ничего примечательного. Лавки, ещё лавки, спешащие люди, редкие экипажи. Но глаз молодого человека зацепился за некое яркое пятно, которое оживляло всю картинку площади. Это была тележка цветочницы. За ней стояла симпатичная девушка, а рядом с ней — более зрелая женщина, но ещё не утратившая былой привлекательности. Между ними происходил какой-то оживлённый разговор. Ноги Алеха сами повернули в ту сторону.

«Всё равно я собирался спросить у кого-нибудь про комнату», — объяснил он себе свои действия.

По мере приближения к женщинам Алех поменял мнение. Сначала его привлекла цветочница, но вскоре стало видно, что, кроме молодости, ничего привлекательного в ней нет. Бледное невыразительное лицо, угловатая фигура и плоская грудь. А вот вторая женщина всё больше притягивала его внимание.

«Зря я назвал её зрелой, — подумал про себя Алех. — Просто молодая женщина. Конечно, старше цветочницы, но, скорее всего, ненамного».

А привлекло Алеха в этой молодой женщине многое: фигура, лицо, изящная одежда, но было ещё кое-что, в чём молодой человек не хотел себе признаваться. Эта женщина показалась

ему доступной. Причём не всем подряд, а именно ему. Вот бледная цветочница не казалась такой. Подойди к ней и поздоровайся, так она вся сожмётся, словно ожидая удара или какой-то другой неприятности.

«Как такая ещё цветы продаёт?» — подумал молодой человек.

А вот вторая женщина, которая явно что-то выговаривала цветочнице, создавала другое впечатление.

«Добрый день», — Алех представил, как подойдёт и поприветствует эту женщину.

«Добрый день», — ответит та и улыбнётся ему.

Подойдя поближе, Алех заметил, что часть цветов на тележке цветочницы завяли.

— Как же это произошло? — спрашивала женщина, та что постарше, у цветочницы.

— Не знаю, — только и могла выдать из себя цветочница. — Не знаю.

— Добрый день, — Алех уже достаточно подошёл к говорящим, чтобы поприветствовать их.

Всё произошло так, как он и предполагал. Цветочница испуганно посмотрела на него, а другая женщина обернулась и широко улыбнулась.

«Как приятно», — подумал Алех и вспомнил Тессу из родовой усадьбы.

Та тоже ему улыбалась, но её улыбка выходила такой робкой и скоротечной, что не поймёшь — была она или нет. Сейчас же женщина улыбалась ему широко и открыто. А ещё эта улыбка говорила Алеху, что чувства его не подвели. Он понял, что может получить от этой женщины больше, чем улыбку. Например, коснуться её плеч, развязать ленту шляпки под её подбородком, взять этот самый подбородок в свою ладонь, а другую положить на её талию, а потом просто наклониться и поцеловать её в приоткрытые губы.

От таких мыслей сердце Алеха сильно забилось, а глаза женщины, о которой он думал, слегка расширились, словно она поняла, о чём он думает.

Молодой человек покраснел и, чтобы скрыть своё смущение, спросил:

— Что у вас случилось?

— Ах! — ответила женщина постарше, а цветочница стала ещё бледней. — Такой жаркий день! Вот мои фиалки и завяли.

— Это можно исправить, — сказал Алех и тут же испугался. Далеко ли Академия? Не заметят ли всплеск энергии? Да и помнит ли он заклинание?

«Какой всплеск? — тут же сам себя отругал он. — Всего один горшочек с фиалками. Никто даже внимания не обратит».

Недоучившийся маг сосредоточился, сплёл заклинание, а тянуться в эфир за энергией не потребовалось. Обошёл собственной. И произошло чудо...

Стебли фиалок в горшочке поднялись, скукожившиеся цветки расправились, а на их лепестках заиграли капли росы.

— Ах! — снова сказала молодая женщина, при этом она взмахнула руками и сложила ладошки на своей груди, отчего ткань платья натянулась, продемонстрировав привлекательность этой важной части женского тела. — Как я смогу вас отблагодарить?

Алех сглотнул. Он точно знал, какую награду ему хотелось бы получить. Кроме того, было бы здорово, чтобы хоть что-то прервало ту череду неудач, которые обрушились на него в последнее время. Но знать, что хочешь, и сказать об этом вслух — совершенно разные вещи. Поэтому молодой человек произнёс совсем другое.

— Вы не знаете кого-нибудь, кто может сдать мне комнату?

— Знаю, — ответила женщина. — Пойдёмте, я покажу.

У неё оказался собственный экипаж, а она сама — вдовой и торговкой цветами. Она владела десятком цветочных точек в южной части столицы. А ещё в её доме пустовала мансардная комната. Туда она и повезла Алеха. А имя у торговки оказалось удивительным — София.

В тот день у них всё и произошло.

София, или просто Софи, как она попросила её называть, привезла Алеха в свой дом, показала комнату, цена за которую молодому человеку показалась приемлемой. Потом он соби-рался уйти, но хозяйка настояла, чтобы они вместе пообедали. За время принятия пищи они так распалили себя взглядами, что когда служанка унесла грязную посуду, а они оказались сидящими рядом на диване, то сдерживаться не было никакой возможности.

«Всё, как я и представлял, — думал Алех, целуя губы торговки. — Ну, почти».

Что делать дальше, молодой человек не знал. Зато знала Софи. Она привела Алеха в спальню, задернула шторы, приказала раздеваться, а сама скрылась за ширмой.

Всё произошедшее далее Алех помнил фрагментарно. Вот он, путаясь в деталях одежды, раздевается, а вот он уже в постели, и рядом голое женское тело. А потом картинка и вовсе стала мутной. В памяти остались лишь обжигающие объятия, обильные поцелуи... а потом наступило наслаждение.

— Тебе хорошо? — спросила Софи и, не дождавшись ответа, заглянула в его глаза, засме-ялась и прижалась к груди своего неожиданного любовника.

Ведь ответа и не требовалось. Хорошо? Очень! Алеху казалось, что он парит на облаках, а рядом не просто женщина, а какое-то чудесное создание. Ничего подобного молодой человек не испытывал раньше.

«Это знак, — пришла ему в голову мысль. — Теперь всё будет по-другому. У меня будет новая жизнь».

Так всё и произошло. У него действительно началась новая жизнь. А простенькая шпага, которую Алеху полагалось, как представителю сословия архов, носить на левом боку, была запрятана на дне сундука с одеждой. И пока об этом поступке он ни разу не пожалел.

— Не надумал изменить свою жизнь? Не надоело наряжаться простолюдином?

Каждую встречу их разговор проходил по одному и тому же сценарию, почти одними и теми же словами. Но оба понимали, что для того, чтобы жизнь младшего брата изменилась, ему надо помириться с отцом. Однажды Зоран так и спросил брата, не хочет ли он вернуться в семью. Алех тогда сильно покраснел и даже как-то стал задыхаться. Пришлось какое-то время махать на него салфеткой, нагоняя больше свежего воздуха. Больше этого вопроса Зоран не задавал.

Но говорить о чём-то надо было, поэтому во время встречи Зоран рассказывал про то, чем он занимается в департаменте, а когда замечал, что младшему брату становится неинте-ресно, то переходил на разные истории про заморские страны, которых наслушался на работе. Тут в глазах Алеха появлялся неподдельный интерес. В такие моменты у Зорана даже появля-лось опасение, что однажды младший брат бросит своё увлечение карточной игрой, наймётся на уходящий за море корабль, чтобы проверить, насколько правдивы услышанные истории.

В конце совместной трапезы они пили кофе. Это была очередная новинка из-за Южных морей. Зоран ею восхищался, а Алех не чувствовал ничего, кроме горечи. Но брат убедил его, что этот напиток придаёт бодрости телу и повышает остроту ума. Все эти качества нужны были ему вечером за карточным столом. Поэтому Алех, стараясь копировать брата, небольшими глотками выпивал заморский напиток. А потом следовал другой, ещё менее приятный ритуал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.